

Ирина Михайловна Пивоварова
Тройка с минусом
Серия «Веселые истории в школе и дома»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8871545
Пивоварова, И. Тройка с минусом: РИПОЛ классик; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07402-9

Аннотация

Аня – самая обыкновенная прилежная девочка, отличница и любимица учителей. Её жизнь резко меняется, когда в классе появляется новенькая девочка – Тося Одуванчикова, весёлая болтушка, которая отчаянно пытается сдружиться с Аней. Дружба, любовь, контрольная, первая тройка, пропажа классного журнала... Что же происходит в 5 «А» классе?

Содержание

Ирина Пивоварова	5
Новенькая Одуванчикова	6
Фотография в «Пионере»	14
План Тоси Одуванчиковой	17
Ссора в классе	20
Будущий следователь Алик Спичкин	24
Боря Дубов	26
Разговор в саду железнодорожников	28
«Таких тут нет»	30
Агафонов	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Пивоварова

Тройка с минусом

© Художественное оформление. Бугославская Н. В., 2014

© Иллюстрации. Юдин Г. Н., 2014

© Яворский И. Р., 2014

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

* * *

Ирина Пивоварова

Ирина Михайловна Пивоварова говорила о своих произведениях: «Прозу, как и стихи, я пишу весёлую. Очень люблю, когда дети смеются! Если мне приходится их учить, стараюсь, чтобы это было не слишком заметно. При этом я учусь сама».

Ирина Михайловна Пивоварова родилась в Москве в 1939 году. Её отец был врачом, который надеялся, что дочь также выберет медицинскую карьеру. Однако она не оправдала его ожиданий и после окончания школы поступила в Московский текстильный институт на факультет прикладного искусства.

После окончания института Ирина Михайловна проработала декоратором несколько лет. За время работы она завоевала репутацию прекрасного художника. Тогда же она познакомилась со своим будущим мужем – Виктором Пивоваровым.

Виктор и Ирина Пивоваровы внесли огромный вклад в детскую литературу. Она писала очень весёлые и добрые стихи и рассказы для малышей, а её супруг создавал иллюстрации к её произведениям.

Самые популярные рассказы и повести Ирины Михайловны Пивоваровой:

«Тройка с минусом, или Происшествие в 5 „А“», «О чём думает моя голова», «Однажды Катя с Манечкой», «Рассказы Люси Синицыной, ученицы третьего класса», «Старичок в клетчатых брюках», «Рассказы Павлика Помидорова, брата Люси Синицыной».

Её стихотворные сборники:

«Жила-была собака», «Венок из колокольчиков», «Хочу летать» «Лесные разговоры», «Потерялась птица в небе», «Только для детей».

Новенькая Одуванчикова

Небо висело над городом, как огромный голубой парашют. На нём были вышиты толстые белые облака. Они никуда не спешили, стояли на месте, а среди всех этих облаков светило совсем весеннее солнце.

Пыхтели машины. Падал снег. Ученица пятого «А» 512-й школы Аня Залетаева шла в школу.

Настроение у Ани было прекрасное.

Вчера мама подарила ей новые сапожки на меху, и теперь Аня шла, украдкой поглядывала на свои сапожки и слушала, как приятно хрустит под ними снег: хруп-хруп-хруп...

Да, настроение у Ани было отличное. Солнце сверкало в небе, и все кнопочки на Анином портфеле сияли, а замок блестел так, что резало глаза.

Какой-то мальчишка шёл по улице навстречу Ане.

Увидев Аню, мальчишка этот свистнул и подкинул высоко в воздух свой издававший виды портфель. Потом он схватил его с ловкостью Олега Попова за ручку, которая была наполовину оторвана, и взглянул на Аню – вот, мол, я каков! Полюбуйтесь, люди добрые!

Но Аня не удостоила его взглядом.

Она шла не спеша, мы бы даже сказали, чинно. И этот мальчишка, конечно же, сразу понял, не мог не понять – ну, если, конечно, он не был совсем уж балдой, – что перед ним только что прошествовала самая что ни на есть настоящая отличница. Отличница из отличниц.

Он немножко посмотрел Ане вслед, сунул портфель под мышку и уныло побрёл дальше, навстречу своим двойкам, замечаниям в дневнике и выговорам учителей.

А Аня тем временем дошла до своей школы, сняла в раздевалке шубку, аккуратно засушила в рукав шапку, поправила перед зеркалом волосы, которые и поправлять-то не надо было – так безукоризненно гладко лежали они, одёрнула фартук, который и одёргивать было излишне – так аккуратно, складочка к складочке, он на ней сидел, и, взглянув в зеркало на себя в последний раз придирчиво и строго, стала подниматься по лестнице на второй этаж, где находился тот самый пятый «А», в котором она училась и о котором и пойдёт дальше речь в нашей книжке.

Утро было прекрасное.

В классе, как в большом аквариуме, плавало мягкое солнце. Оно освещало портрет Менделеева над чёрной школьной доской, два гербария и расписание занятий на нежно-салатной стене.

Зазвонил звонок. Открылась дверь. В класс вошла Нина Петровна, учительница по русскому и литературе и классный руководитель пятого «А».

Загремели отодвигаемые стулья. Класс встал, приветствуя учительницу...

Аня Залетаева тоже поднялась вместе со всеми. И как поднялась! Любо-дорого было поглядеть, как она быстро встала, не шелохнув при этом стул, как выпрямилась, как повернула голову в сторону учительницы – ну прямо точь-в-точь как курсант военно-мореходного училища на параде... Да, надо было поглядеть, как приветствовала учительницу Аня Залетаева! Этому можно было бы поучиться! Ах, как жаль, что мы уже вышли из школьного возраста – мы бы и сами с большим удовольствием поучились у Ани.

Между прочим, не грех было бы и всему пятому «А» поучиться у неё же. Ибо стулья в пятом «А» отодвигались с таким грохотом, что даже у привычных ко всему учителей делалось испуганное и даже как бы слегка оглушённое лицо. А уж что касается осанки!.. В такую торжественную, как нам кажется, и волнующую минуту, когда учитель входил в класс, добрая половина пятого «А», можно было подумать, страдала ревматизмом. Одни еле-еле поднимались на полусогнутых ногах, другие повисали над столом наподобие вопросительного знака... Ну, а был даже такой ученик, который, видно, настолько был плох, что вообще не мог подняться со стула, хотя минуту назад он, как смерч, пронёсся по коридору...

Но мы, однако, задержались! Стоит ли тратить время на описание класса, приветствующего входящего учителя, когда впереди у нас столько всяких важных событий!..

Итак, пятый «А» встал, приветствуя учительницу.

Все головы разом повернулись налево, а потом стали медленно-медленно поворачиваться направо.

Нина Петровна направлялась к учительскому столу. Она была в модных туфлях на высоких каблуках. На ней была новая зелёная полосатая кофточка. И всё это ей очень шло. Но на этот раз... на этот раз пятый «А» смотрел вовсе не на Нину Петровну.

Вслед за Ниной Петровной к учительскому столу шла девочка, рыжая, невысокого роста, с круглым лицом и ярко-розовыми щеками, по которым, как острова по морю, были раскиданы смешные ярко-рыжие веснушки. Брови у неё были совершенно белые. А густая рыжая чёлка доходила до самых бровей, и в ней, в этой чёлке, вспыхивало разноцветными искорками глядящее в окно солнце.

Она шла и щурилась от солнца. И улыбалась. Так и шла к учительскому столу, щурясь и улыбаясь, и нос у неё от этого морщился, и вид был ужасно весёлый.

Сидящая за вторым столом слева Гвоздева переглянулась со своей соседкой Собакиной, и обе одобрительно хмыкнули.

Возле учительского стола Нина Петровна и смешная девочка остановились.

– Здравствуйте, ребята, – сказала Нина Петровна. – Я привела к вам новенькую. Познакомьтесь, пожалуйста. Это Тося Одуванчикова. С сегодняшнего дня она будет учиться в нашем классе.

При этих словах Нины Петровны Гвоздева с Собакиной опять переглянулись и даже подмигнули друг другу – Гвоздева правым, а Собакина левым глазом. Видно было, что новенькая пришлась им по душе.

– Я надеюсь, Тося, – сказала Нина Петровна, обращаясь к новенькой и беря её за плечи, – что тебе у нас понравится. Ребята у нас хорошие, дружные. Сама увидишь.

И вдруг, вместо ответа, новенькая прижала обе ладони к носу и чихнула. Гвоздева и Собакина одновременно прыснули за своим столом, а новенькая покраснела так, что её лицо стало темнее волос. Однако, посмотрев на развеселившийся класс, она тоже засмеялась.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ЭТО НОВЕНЬКАЯ...

Гвоздева и Собакина не сводили с неё влюблённых глаз.

– Будь здорова, Тося! – сказала Нина Петровна. – Учись в нашем классе на здоровье. Сейчас мы подумаем, куда тебя посадить... – И она обвела глазами класс.

А надо тебе сказать, дорогой читатель, что в пятом «А» было всего два свободных места. Раздумывать, таким образом, особенно было нечего. Одно свободное место было рядом с Тamarой Павлихиной, другое – рядом с Аней Залетаевой.

Место рядом с Аней пустовало всего только неделю. Раньше за одним столом с Аней сидела председатель совета отряда Ира Сыркина. Но неделю назад Нина Петровна отсадила Иру к двоечнику Агафонову...

– Ну что ж, Тося, – сказала Нина Петровна. – Видишь, вон там, в третьем ряду, свободное место? Тебе повезло. Ты будешь сидеть с нашей лучшей ученицей, с нашей старостой Аней Залетаевой.

– Бедняга... – сказала Гвоздева, со странным выражением лица взглянув на Собакину, а Собакина долго и сочувственно кивала головой, провожая глазами новенькую.

Тося Одуванчикова шла по узкому проходу между столами и издали улыбалась своей будущей соседке, которая понравилась ей с первого взгляда.

Через секунду она уже сидела рядом с ней.

– Какой хорошенький столик! – говорила она, проводя обеими ладонями по гладкой жёлтой поверхности стола. – У нас в той школе хуже были. У нас были коричневые... А тебя Аня зовут, да?

– Да, – сказала Аня.

– А меня – Тося, – с живостью откликнулась новенькая, и её большие голубые глаза уставились на Аню, и были в них и доброжелательность, и веселье, и любопытство.

А учительница между тем разложила на столе учебники, подошла к доске и стала объяснять, какие наклонения бывают у глаголов.

– А знаешь, – не обращая никакого внимания на повелительные и сослагательные наклонения, громко и весело зашептала новенькая, – я раньше в другой школе училась, в триста первой. У нас тоже школа очень хорошая была. А потом у нас дом сломали, и нам квартиру дали. Ой, такая квартира хорошая! Двухкомнатная!

– Да? – неопределённо отозвалась Аня. Честно говоря, ей хотелось слушать объяснения, она никогда не пропускала их раньше.

– Да! – с жаром откликнулась новенькая. – Замечательная квартира! Приходи ко мне в гости, ладно? У меня знаешь, как мама пироги печёт! Потрясающе! У неё на работе она лучше всех пироги печёт!..

– Как, прямо на работе? – не очень охотно удивилась Аня.

– Да нет, конечно! – засмеялась новенькая. – Ой, ну ты смешная какая! Ну как же можно на работе пироги печь! Скажешь тоже! Она дома печёт. И с вареньем, и с маком, и с капустой. А ещё у меня есть брат. Ему пять лет. Он в детский садик ходит...

Всё это произносилось совершенно без остановок, и через десять минут Аня Залетаева, к великому своему ужасу, почувствовала, что у неё кружится голова и пол уходит из-под ног.

– ...Сослагательные наклонения... – как сквозь туман, слышала Аня Залетаева.

— ...У них в детском садике воспитательницу Мария Васильевна зовут. Ой, она такая хорошая!

— ...глаголы «возьми», «дай», «принеси»...

— ...Ну до чего смешно!.. Он прямо в лужу упал!..

Да, дорогой читатель, ты прав. Для отличницы Ани Залетаевой настали тяжёлые времена. На всех уроках новенькая трещала без умолку. Похоже было, что она жила пять лет одна на Северном полюсе и теперь никак не могла наговориться.

Это было ужасно.

На первом же уроке Аня Залетаева, никогда не пропускавшая объяснений учителей, прослушала правило по русскому.

На втором впервые в жизни получила за устный ответ четвёрку.

А на третьем новенькая вдруг полезла в портфель, вынула какой-то пакет и толкнула Аню в бок:

– Хочешь?

– А?.. – Аня подняла голову. Она писала упражнение.

– Пирога с капустой хочешь? – сказала новенькая.

– Как, прямо на уроке?! – поразилась Аня.

– Ага! – сказала новенькая. – Да ты не бойся! Мы с Нинкой Кошкиной всегда на уроках ели!

И тут Аня не выдержала.

– Как же так? – сказала она. – Ты, наверное, не понимаешь?.. Кто же это ест на уроках?!

На уроках занимаются, а не едят!

– Залетаева! – сказал Сергей Фёдорович, учитель математики. – Я тебя не узнаю. В чём дело? Почему ты болтаешь?

Аня вздрогнула и покраснела до корней волос.

Это было первое замечание за всю её жизнь.

Фотография в «Пионере»

Большие круглые часы над улицей показывали без десяти два.

Аня прошла арку с помойкой, вошла во двор. Перед ней был её дом.

«И чего я так обрадовалась, когда её ко мне посадили? – думала Аня. – Ведь это же прямо ужас какой-то! Она же мне теперь учиться не даст!»

Аня открыла дверь, вошла в квартиру.

В доме пахло мастикой. Пол в прихожей блестел как зеркало.

Маленькая лохматая Чапка прыгала и крутилась вокруг Ани. Но сегодня Ане было не до Чапки.

– Уйди, Чапка! – сказала она. – Не мешай раздеваться!

Аня повесила шубку на вешалку в стенном шкафу и направилась в комнату. Там, стоя перед зеркалом, она стянула через голову школьное платье и через минуту, уже в мамином халате, шла на кухню греть обед.

«Из-за неё я четвёрку получила! – думала она, ставя на огонь кастрюлю с супом. – Как я маме о четвёрке скажу? И замечание это ужасное... При всех!.. Каждый слышал, как Сергей Фёдорович сказал: „Залетаева, я тебя не узнаю!“ И всё из-за неё, из-за этой новенькой!»

Аня глядела в окно. За её спиной булькал суп.

Аня вздохнула, налила суп в тарелку...

И тут зазвенел звонок.

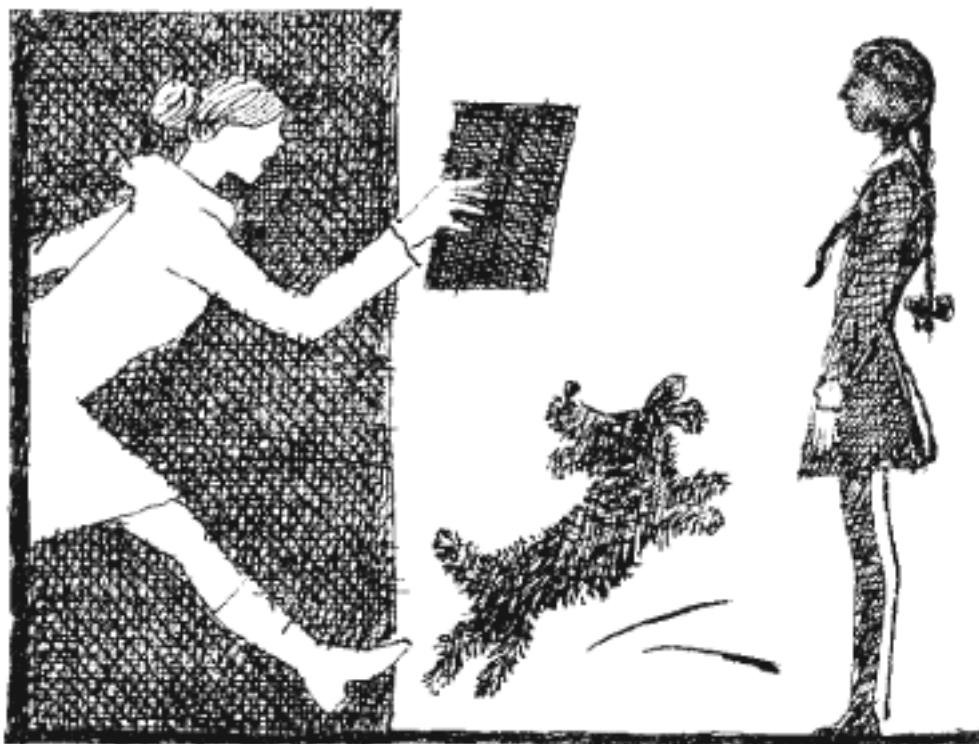
Аня подскочила на месте и чуть не опрокинула тарелку с супом, а Чапка бросилась к дверям и залилась пронзительным лаем.

«Кто это может быть? – подумала Аня. – Мама никогда так рано с работы не возвращается».

– Анюточка! – услышала она из-за двери. – Ты что там возишься? Открывай скорее!

И через минуту в прихожую вбежала Ирина Васильевна Залетаева. Вид у неё был взволнованный, глаза блестели, из-под меховой шапочки выбивались волосы.

Она кинула пальто на табуретку в прихожей, бросила шапку на книжную полку, чего раньше никогда не делала, и принялась изо всех сил обнимать, тискать и тормошить оторопевшую от неожиданности дочь.

– Анюточка, милая, поздравляю тебя, поздравляю! – кричала Ирина Васильевна. – Красавица ты моя! Умница! Прелесть!..

– Мама, в чём дело? Что произошло?

– Что произошло? Сейчас ты всё узнаешь! Сейчас, сейчас, одну минуточку...

Ирина Васильевна схватила свою чёрную кожаную сумку, вытащила оттуда другую сумку, капроновую, жёлтенькую, и вынула из этой капроновой жёлтенькой сумки какой-то журнал в ярко-синей обложке и замахала им в воздухе.

– Пляши, Анька! – крикнула она и стала быстро-быстро перелистывать журнал. – Вот! Гляди!

С белой журнальной страницы смотрит на Аню Залетаеву девочка в школьной форме. Смотрит строго, ничуть не улыбается.

Волосы у неё причёсаны на прямой пробор. Лоб круглый. Глаза чёрные, большие. И очень белый воротничок.

Мама родная, да это же сама Аня! Ну конечно, сама Аня Залетаева. А для тех, кто этого не знает, написано чёрным по белому: «Аня Залетаева, ученица 512-й школы, староста класса».

– Ох! – только и выдохнула Аня.

Никак не ожидала она, что тот человек в кожаном пиджаке, который приходил к ним в школу и фотографировал её среди прочих учеников, вдруг сделает такую огромную, такую замечательную фотографию! И что напишут под этой фотографией: «Аня Залетаева, ученица 512-й школы, староста класса».

Целых пять минут стояла и смотрела Аня на свою фотографию.

А Ирина Васильевна тем временем выгружала из сумки апельсины, копчёную рыбу и шоколадные конфеты. Она вытаскивала из холодильника консервированный клубничный компот и вишнёвую наливку. И накрывала на стол. И бежала на кухню ставить чайник. И звонила на работу своей подруге Тамаре Никитиной, чтобы та немедленно ехала к ним! Ведь не каждый день печатают в журналах Анечкину фотографию!

– Представляешь, сижу я на работе, – рассказывала Ирина Васильевна, – и вдруг вбегает Клавдия Ивановна, наша киоскёрша. «Ирина Васильевна, – говорит, – вы ещё не видели?..» – «Что, – говорю, – не видела?» А уже все наши в отделе головы подняли. А Раиса Николаевна даже вскочила... А Клавдия Ивановна говорит: «Вы, говорит, Ирина Васильевна, плохо за печатью следите! А между прочим, в журнале «Пионер» фотография вашей дочери помещена». Ой, что было! Ты не представляешь, как меня все поздравляли... Я на радостях двадцать номеров купила. Всем подарила по номеру. Пусть знают, какая у меня дочка замечательная!

Когда на следующий день Аня Залетаева пришла в школу, то в школе только и разговоров было, что о её фотографии в журнале «Пионер».

– Счастливая! – сказала ей Вера Пантелеева. – Теперь про тебя весь Советский Союз узнает!

– Ещё бы! – сказал Фёдоров. – За границей, между прочим, тоже узнают. Там наши журналы продаются.

– Ой, Аня, – сказала ей новенькая Одуванчикова, – ты такая вышла красивая, просто ужас! Ты на фотографии даже лучше, чем Галина Польских, честное слово!

И только Гвоздева и Собакина делали вид, что всё это их нисколько не интересует. И Гвоздева даже во всеуслышание сказала Собакиной:

– Подумаешь, в «Пионере» её напечатали! Меня, может, в «Огоньке» однажды чуть не напечатали. Я сама не захотела...

А Собакина добавила:

– Теперь совсем развоображается!

План Тоси Одуванчиковой

В квартире Одуванчиковых стоял чад.

Бабушка Фёкла Матвеевна Одуванчикова жарила рыбу.

Её любимая внучка, пятиклассница Тося, сидела за квадратным кухонным столиком, покрытым голубой клеёнкой с грушами и помидорами, и, обхватив лицо руками и глядя в окошко на облака, ныла:

– Бабушка, ну-у, ба-а-бушка...

– Чего тебе? – говорила Фёкла Матвеевна. Она лила в сковородку подсолнечное масло, и масло, оглушительно шкворча и скрежеща, брызгало в глаза Фёкле Матвеевне и сердило её.

– Ба-а-бушка... – ныла Тося. – Ну почему, почему она на меня никакого внимания не обращает?

В ответ раздавалось яростное шкворчание масла, синий чад расплывался по кухне и, извиваясь, медленно выползал в форточку.

– Бабушка, – ныла Тося, – ну, ба-а-бушка... Ну, я так хочу с ней подружиться!

– Вот и подружись! – сердито говорила бабушка. Она переворачивала ножиком рыбу на сковородке, рыба разваливалась на куски, а Тоська всё ныла и ныла под боком.

– А она не хочет. Я хочу, а она не хочет...

– Не хочет – и не надо, насильно мил не будешь. Чего ты к ней привязалась? Что у тебя, подружек мало?

– Да ты не представляешь, как она мне нравится! Она такая красивая! Даже не хуже, чем Галина Польских!

– Дело какое – красивая! – сказала бабушка. – Человек был бы хороший...

– Ой, бабушка, да ты знаешь, какой она хороший человек! Совершенно не понимаю, за что её Гвоздева с Собакиной «классной доской» прозвали! Никакая она не «классная доска»! Она просто очень серьёзная. И она у нас самая лучшая отличница! Вот погляди, никого в журнале «Пионер» не напечатали, а её напечатали. Ну как мне сделать, чтобы она на меня внимание обратила?.. Ты представляешь, я ей что-нибудь начну рассказывать, а она так голову повернёт, так посмотрит на меня... И я даже не знаю, что дальше сказать. По-моему, ей всё не интересно, что я говорю. Про кино рассказываю – не слушает. Про артистов – тоже не слушает. Ну, бабушка, ну про что мне такое ей рассказать, чтобы она меня слушала?

– Да про что ж ты ей можешь рассказать, круглой-то отличнице? – сказала бабушка, роясь в шкафу и вытаскивая кухонное полотенце. – Ведь она небось столько книжек прочла! А тебя попробуй за книжку усади! Только и знаешь, что телевизор глядеть целыми днями!

– Она такая гордая, – сказала Тося, не обращая никакого внимания на сердитые бабушкины слова. – Я её пирогом угощала – отказывается. Нинка Кошкина никогда не отказывалась... Бабушка, ну что мне придумать, чтобы она со мной подружилась?

Фёкла Матвеевна взмахнула кухонным полотенцем. Видно, терпению её пришёл конец.

– Сама думай, не маленькая! – сказала Фёкла Матвеевна. – У меня и своих дел полно...

Тогда Тося направилась к телефону, чтобы позвонить закадычной подружке Нинке Кошкиной и поделиться с ней своими горестями. Но только она подняла трубку, как вдруг одна хорошая мысль пришла ей в голову.

Она вспомнила про фломастеры. Про те самые фломастеры, которые дядя Коля привёз ей из Японии. Они были очень красивые. Они лежали в лакированной красной коробочке. По бокам у них вились золотые иероглифы. Они были так хороши, что Тосе даже жалко было ими рисовать...

А что, если показать фломастеры Ане? Вдруг они ей понравятся? О, если они ей понравятся, если только понравятся, пусть рисует тогда сколько хочет! Пусть возьмёт их с собой, пусть держит дома. Пусть даже насовсем заберёт их! Пусть! Тосе ничуть не жалко! Нет, жалко, конечно, чуточку... Но ей так хочется подружиться с Аней! Так хочется!..

Утром Тося положила фломастеры в портфель и отправилась в школу.

Всю дорогу она думала об Ане и о новых фломастерах.

Она представляла, как покажет Ане японские фломастеры и как скажет при этом: «Если тебе нравятся, возьми себе!» И как обрадуется Аня, и как скажет: «Да нет, что ты, не надо!» И как она, Тося, скажет: «Возьми, возьми! Мне не жалко!» И как Аня с сияющей улыбкой положит фломастеры в портфель и скажет: «Спасибо тебе, Тося. Ты такая добрая!» И как они вместе пойдут домой из школы и всю дорогу будут смеяться и дружить.

А в это время Аня Залетаева тоже шла в школу.

Она шла и вспоминала разговор, который состоялся за ужином у них с мамой.

Вечером Ирина Васильевна, по своему обыкновению, взяла Анин дневник – каждую пятницу она аккуратно ставила в дневник дочери свою подпись – и вдруг увидела в нём четвёрку по русскому устному.

– Анята! – воскликнула крайне удивлённая Ирина Васильевна. – Что это?!

– Да, мама, я забыла тебе сказать... – сконфуженно забормотала Аня.

– Но в чём дело? Откуда четвёрка? Аняточка, дочка моя, что это значит?

– Ты знаешь, мама, ко мне посадили новенькую, – сказала Аня. – И она меня так отвлекает, так мешает заниматься! Она такая болтушка, такой легкомысленный человек!

– Так почему же ты мне сразу ничего не сказала? – возмутилась Ирина Васильевна. – Я бы давно уже с Ниной Петровной поговорила, чтобы она её отсадила!

– Да нет, мама, что ты! – испугалась Аня. – Я тебя прошу, не делай этого. Я просто сама виновата. Мне давно надо было с этой новенькой поговорить. Она и сама не слушает, и мне не даёт.

– Так как же ты терпишь? Поставь о ней вопрос на классном собрании. Ведь ты же староста!

– Ну зачем, мама! При чём тут классное собрание?

– Тогда дай мне слово, что ты с ней поговоришь, слышишь? – сказала Ирина Васильевна. – Дай мне честное слово.

И сейчас Аня Залетаева шла в школу и думала о предстоящем неприятном разговоре с новенькой.

Ссора в классе

На школьных часах было десять минут девятого.

В пятом «А» толстая Пантелеева поливала на окне цветы.

Пантелеева сердилась.

Слева от неё стоял Спичкин и в который раз рассказывал надоевшую всему классу историю, как он ловил опасного преступника.

Пантелеева сердилась. Она проливала воду на подоконник. Спичкин ей мешал, размахивал руками.

– И вот я иду, – говорил Спичкин, – и вижу – он! Я его сразу узнал. Смотрю – точно: лицо круглое, волосы светлые, глаза серые, на левой щеке родинка... Всё совпадает. Я даже проверил, тетрадку вынул, прочитал: а вдруг, думаю, родинка на правой щеке? Нет, точно, на левой... Я тогда за ним... А он идёт себе, сумкой размахивает, делает вид, что он так просто, погулять вышел. Да меня не проведёшь! Не на такого напал! Я его сразу узнал! Очень опасный преступник! Его милиция уже два года разыскивает!

– Спичкин, лучше тряпку дай! – не выдержала Пантелеева. – Не видишь, что ли, я весь подоконник залила... Совсем помешался на своих преступниках!

Алик Спичкин перестал размахивать руками и сокрушённо уставился на Пантелееву.

– Дура ты! – сказал он. – Что с тобой разговаривать! Зря время тратить. – И он отвернулся от Пантелеевой и направился к Сеницыну.

Увидев приближающегося Спичкина, Сеницын вскочил из-за стола и вышел из класса. Но Спичкин последовал за ним и вскоре из коридора донеслось:

– Я его сразу узнал! Смотрю – лицо круглое, волосы светлые... Ну, думаю, не на такого напал!..

– Фёдоров, – сказала Пантелеева, – ты тряпку не видал? Никак не могу тряпку найти! Фёдоров важно чинил карандаш.

– Поищи за доской!

– Да я искала! Ну что мне, руками доску, что ли, вытирать? Через десять минут урок начнётся, а нигде тряпки нет!

В класс вошла Ира Сыркина. Щёки у Иры были красные с мороза. На левом рукаве горели две красные нашивки председателя совета отряда.

– Ой! – сказала Ира и с отвращением вытащила из своего стола лохматую пыльную тряпку.

Сидящий рядом Агафонов не пошевелился. И бровью не повёл.

– Бессовестный! – сказала Ира. – Сидишь тут с тобой, перевоспитываешь тебя, а с тебя всё как с гуся вода!

И тут в класс вбежала Тося Одуванчикова.

Вид у Тоси был ликующий. В поднятой руке что-то блестело красным блеском. Рыжие волосы её сразу, как будто только того и ждали, загорелись на солнце.

– Что у меня есть! – кричала Одуванчикова, подсакивая и размахивая в воздухе рукой.

Пантелеева перестала вытирать доску. Рука Фёдорова с перочинным ножом застыла в воздухе.

– Чего?.. Чего?.. – подскочили к Тосе Гвоздева с Собакиной.

Даже Агафонов и тот с заинтересованным видом уставился на Тосю.

«Так, – подумала Аня. – Сейчас опять будет хвалиться какой-нибудь ерундой! Как позавчера. Притащила в класс открытки с киноартистами... Гвоздева с Собакиной, конечно, в восторге были...»

– Ну покажи, покажи! – кричали Гвоздева с Собакиной. – Покажи, что у тебя...

А Тося смотрела на Аню и, приплясывая, направлялась к ней.

Подойдя к Ане, Тося опустила руку, разжала ладонь... и все, кто был в классе, устремились к Тосе.

– Видали? – говорила Тося, показывая коробочку всем, но обращаясь только к Ане. – Видали, что мне из Японии привезли? Ну как, а?..

– Во даёт! – зачарованно произнёс Фёдоров. – А открыть можно?

– Открывай! – милостиво разрешила Тося.

И тут все ахнули.

Толстые фломастеры блестели в коробочке. Золотые японские иероглифы вились по их зелёным, красным, синим, жёлтым и фиолетовым спинам.

– Вот это да-а! – сказал Фёдоров. – Красоти-и-и-ща!

– Это мне дядя Коля привёз! – торжествовала Тося.

– Потрясающие карандашники! – сказала Пантелеева.

– Да какие же это карандашники! Это фломастеры! Это мне дядя Коля из Японии привёз!.. Ань, посмотри, какие красивые!

Волей-неволей Аня взглянула на фломастеры. Они действительно были прекрасны. Но почему обязательно надо хвалиться?

– Интересно, зачем ты их принесла? – сказала Аня.

– Как зачем? – растерялась Тося. – Они тебе разве не нравятся?

– Они керосином пахнут, – сказала Аня. – Убери их, пожалуйста. И вообще скоро уроки начнутся. По-моему, давно пора всем по местам садиться.

Такого поворота дела Тося никак не ожидала. Она вдруг ужасно покраснела.

Ира Сыркина с удивлением взглянула на Аню Залетаеву.

– Ну и что же, что керосином пахнут? – сказала Ира Сыркина.

– И очень даже хорошо, что пахнут! – сказала Пантелеева.

– Да замечательно они пахнут! – воскликнули в один голос Гвоздева с Собакиной. – Не слушай её, Тоська! Она думает, если она староста...

– У нас в школе нельзя фломастерами рисовать, – упрямо сказала Аня. – Убери их.

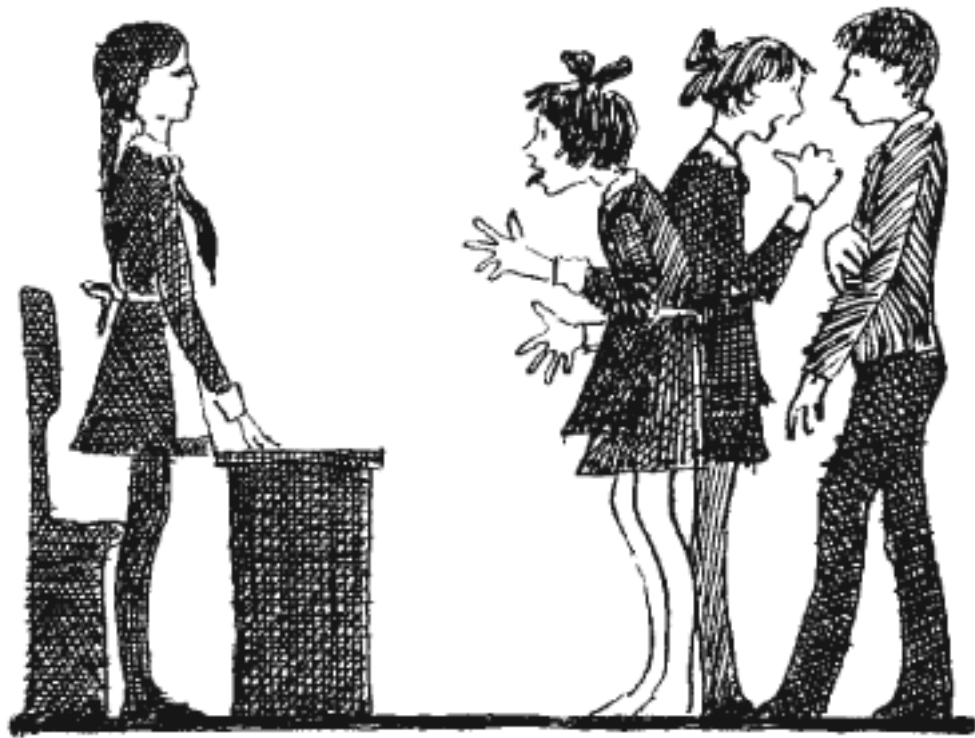
Из глаз смертельно обиженной Тоси уже готовы были брызнуть слёзы.

– Ну и пусть нельзя! – закричала она. – А я всё равно буду!

«Вот сейчас я ей и скажу! – подумала Аня. – Пусть знает. Пусть при всех услышит».

Она даже встала.

– У нас никто фломастерами не рисует, – сказала она. – И ты не будешь. Я знаю, для чего ты их принесла. Для того, чтобы похвастаться! Ты несерьёзный человек! Ты легкомысленная! Ты все уроки болтаешь! Ты совершенно не интересуешься учёбой. И если ты так будешь вести себя дальше, то я, как староста, поставлю о тебе вопрос на классном собрании!

Тося слушала всё это, вытаращив глаза.

Столпившиеся вокруг пятиклассники с удивлением взирали на эту сцену.

– А ты... – закричала Тося, – ты... вредина! Воображала! Я хотела с тобой дружить, а теперь ни за что не буду! Ты... ты... «классная доска», вот ты кто! Тебя все в классе «классной доской» зовут, поняла?..

В глубокой тишине, наступившей вслед за этим, Аня услышала, как за её спиной тихо хихикнула Гвоздева.

Будущий следователь Алик Спичкин

На переменке огорчённая Тося отправилась в буфет.

На лестнице её нагнал Спичкин.

– Брось! – сказал Спичкин. – Не обращай ты на неё внимания! Мы её всё равно переизберём. Тоже мне староста! Не может поход в театр организовать!

– При чём тут театр? – сказала Тося.

– Как это при чём?! Очень даже «при чём»! Я ей сколько раз говорил: надо пойти на «Преступление и наказание»... А она ни в какую! Это, говорит, для взрослых. Нас, говорит, не пустят. Отговаривается, понятно?... А ты куда, в буфет?

– Да, – сказала Тося.

– А где эти твои японские... как их?..

– В портфеле, – сказала Тося и вздохнула.

– Замечательная всё-таки страна – Япония! Там преступников много. Там на каждом шагу преступники. Эх, и жить там интересно!

– Откуда ты знаешь? – сказала Тося, становясь в очередь.

– А я кино японское видел. В одном кино пять убийств. А там сыщик один был... Он идёт, а он навстречу... Он пистолет выхватил – и за ним... А он как бросится – и в реку!.. А там лодка плыла. Он ка-ак выстрелит!.. А он ка-ак прыгнет прямо из лодки на берег – и бежать... А он за ним... А тут этот, с ножом... А он ка-ак ему даст!..

Они взяли два чая и два винегрета и сели за стол.

– Я, между прочим, тоже одного преступника выследил, – сказал Спичкин.

– Ну да?! – Тося вытаращила глаза и забыла про ссору.

– Провалиться мне на этом месте! – сказал Спичкин. – Его портрет на всех улицах висит. Его милиция уже два года ищет!

– А как же ты его выследил? – изумилась Тося.

– Я его давно выслеживал, – сказал Спичкин. – Я все его приметы в тетрадку списал и наизусть выучил. Только мне всё не везло. Никак его не мог выследить! А тут пошёл в магазин, смотрю – он! Я его сразу узнал. Лицо круглое, волосы светлые, на левой щеке родинка... Я за ним... А он идёт, делает вид, что просто так, погулять вышел. А потом раз – в подъезд зашёл. Я за ним. Он лифт стал вызывать. Ну, думаю, от меня не уйдёшь! Не на такого напал. Не подумай, что я побоюсь с тобой в одном лифте ехать!..

– И поехал?!

– Поехал! – сказал Спичкин. – Он знаешь как на меня всю дорогу глядел? У меня прямо мурашки по спине ползали! Я думал, он меня прямо тут, в лифте, убьёт...

– Ой! – Тося схватилась за щёки. – Алик, и как ты решился!.. А дальше что было?

– А дальше он из лифта вышел, а я нарочно поехал на один этаж выше. Смотрю сверху: он на площадке постоял, оглянулся – и как шмыгнёт в дверь!

– Ой! – опять сказала Тося. Про винегрет она забыла. Глаза у неё блестели, как у Спичкина. Чай стыл на столе.

– Тогда я спустился, – продолжал Спичкин, – и осторожно, на цыпочках, подошёл к двери. Смотрю – на двери написано: «А. П. Тарасов». Ага, думаю, меня не проведёшь! Ты, думаю, нарочно фамилию поменял! Нам твоя настоящая фамилия известна. Мишкин твоя фамилия, а вовсе не Тарасов. И. В. Мишкин. Понятно?... Вот только я глаза не разглядел. Там написано – серые, а я не разглядел, какие у него. В лифте темно было.

– С ума сойти! – сказала Тося. – Просто с ума сойти!

– Ещё бы! – сказал Спичкин. – Ты что, не будешь винегрет? Я могу доестъ.

– Доедай, – сказала Тося. – Алик, а ты не можешь мне показать этого преступника?

– Показать? – задумался Спичкин. – Нет, не могу.

– Ну, Алик, – взмолилась Тося, – ну пожалуйста! Я тебе за это чего хочешь дам! Ну хочешь «Два капитана»?

– Мне «Два капитана» не нужно. Мне бинокль нужен, издаleка наблюдать. Есть у тебя бинокль?

– Есть. Но только не насовсем, – сказала Тося.

– Ладно, – сказал Спичкин. – Договорились. Уж в бинокль-то я разгляжу, какие у него глаза.

Боря Дубов

Боря Дубов шёл на работу к своему отцу, Борису Борисовичу Дубову.

«Зайду за папой, вместе пойдём домой, – рассуждал про себя Боря. – Поведу его через Сад железнодорожников. Уж очень погода хорошая!..»

А вот и серый двухэтажный дом. Рядом с дверью вывеска: «НИИ мясо-молочной промышленности». Она сверкает на солнце.

«НИИ»... – подумал Боря. – Ну и словечко! Не могут просто написать – «Научно-исследовательский институт»! А то – «НИИ...»

Немного потоптавшись на пороге и ещё раз презрительно оглядев вывеску, Боря отворил дверь.

Перед ним была лестница, покрытая ковровой дорожкой.

Направо, за перегородкой, висели пальто и шубы. Гардеробщица тётя Паша встала с табуретки.

– Ты что же нас забыл? – сказала тётя Паша, принимая из Бориных рук пальто. – А похудел-то! А вырос! Скоро отца перегонишь!

Она дала Боре синий номерок, и Боря нацепил номерок на палец и запрыгал по лестнице на третий этаж.

Там, в самом начале коридора, он постучался в дверь, на которой значилось «Б. Б. Дубов. Начальник отдела», и, не дожидаясь ответа, вошёл.

За столом, заваленным бумагами, сидел его отец, Борис Борисович Дубов.

– Привет, – сказал Дубов-младший.

– Сколько лет, сколько зим! – обрадовался Дубов-старший. – Ты чего это вдруг надумал?..

– А погода хорошая, – сказал Дубов-младший. – Неплохо бы прогуляться!

– Прогуляться? – задумался Дубов-старший. – Прогуляться и в самом деле неплохо. Да ведь до шести ещё целых тридцать две минуты!

– А я подожду, – сказал Дубов-младший. – Вот тут у тебя в кресле посижу, ладно?

– Посиди, – сказал Дубов-старший. – На вот журнальчик, погляди. Наша сотрудница Залетаева преподнесла. Там напечатан портрет её дочери. Советую намотать на ус, какие бывают прекрасные дети...

И Борис Борисович снова погрузился в бумаги, а его сын сел в кожаное кресло и принялся читать журнал «Пионер» в ожидании того хорошего момента, когда отец освободится от работы.

Для начала Боря Дубов прочёл рассказ о пионерах, которые выращивали в колхозе репу. И посмотрел на часы. Рассказ занял одиннадцать минут. Оставалась ещё двадцать одна.

Боря вспомнил, что в журнале напечатали портрет чьей-то дочери, и стал быстро перелистывать журнал.

Оказалось, можно было и не искать. Нужная страница была заложена длинной бумажной ленточкой. На ленточке было написано: «Уважаемому Борису Борисовичу Дубову от Ирины Васильевны и Ани Залетаевых».

Сверху по странице шёл заголовок: «Будни 512-й московской школы».

Боря взглянул на часы. Стрелка с трудом одолела ещё две минуты.

Боря поглядел в окно, вздохнул и принялся изучать будни 512-й школы.

На первой маленькой фотографии два первоклассника поливали на окне цветы. Под ней было написано: «Алёша Иванов и Федя Коновалов любят ухаживать за цветами».

На второй фотографии была сразу целая куча улыбающихся во весь рот ребят, и под ней вообще ничего не было написано.

На третьей фотографии какая-то девчонка в спортивных трусах лезла по канату.

«Наверное, она, – решил Боря. – Не понимаю, что я тут должен наматывать на ус...»

Но под фотографией было написано: «Лиза Горышникова на уроке физкультуры».

Боря тяжело вздохнул и перевернул страницу.

Перед Борей была фотография девочки в школьной форме. У неё было узенькое лицо и тонкая шея. Она смотрела прямо на Боря.

Лицо у неё было ужасно знакомое.

«Кто такая?» – подумал Боря. И прочёл: «Аня Залетаева, ученица 512-й школы, староста класса».

Так вот, значит, о ком шла речь... Но почему у этой Ани Залетаевой такое знакомое лицо? Где Боря её видел? Откуда он её знает?..

Взгляд у Ани был строгий и застенчивый.

«Наверно, ужасно умная, – подумал Боря. – В шахматы играет. На пианино, конечно, тоже. Не то что я – „Чижик-пыжик“!»

А Аня Залетаева всё смотрела на Боря Дубова.

– Ну вот, я готов, – вдруг услышал Боря и вздрогнул от неожиданности. – Ага, нашёл её? Видишь, какая девочка хорошая! Можешь себе представить, за всю свою жизнь ни одной четвёрки не получила!

– Откуда ты знаешь?

– Да у нас на работе все это знают!.. Ирина Васильевна Залетаева очень милая женщина, но у неё есть один недостаток. Когда она начинает говорить о своей дочери, остановить её невозможно... Ну как, пошли?

– Пошли, – сказал Боря и незаметно сунул в карман куртки журнал «Пионер».

Разговор в саду железнодорожников

Дубов-старший и Дубов-младший шли через Сад железнодорожников.

Сквозные лавочки по бокам дорожки выгибались, как будто пытались скинуть с себя снег. Рядом рылись голуби. Чёрные деревья протягивали к ним свои ветки. Было тихо и спокойно, и Борис Борисович, размахивая на ходу правой рукой, увлечённо рассказывал сыну об австралийских аборигенах.

– Папа, – вдруг сказал Боря, – а эта девочка... Аня Залетаева... Ты её когда-нибудь видел?

Борис Борисович прервал свою речь и даже остановился от неожиданности.

– Видел. А что?

– Да так, ничего.

Но когда Борис Борисович стал рассказывать дальше...

– Папа, – сказал Боря, – а где ты её видел? Она что, приходила к вам на работу?

– Та-ак... – сказал Борис Борисович. – Кажется, сегодня у нас торжественный вечер, посвящённый Ане Залетаевой. А я-то болтаю о каких-то аборигенах... Так что тебя интересует? Где я видел Аню Залетаеву? Отвечаю: в нашем институте. Уточняю: на первом этаже, в вестибюле, возле автомата с газированной водой... Ну, достаточно?

– Она, наверное, тут недалеко живёт?

Борис Борисович посмотрел на сына так, как будто видел его первый раз в жизни.

– Да нет, – сказал он, – где-то на другом конце города. А что?

– Да так... – смутился Боря.

А на следующий день Боря Дубов снова отправился на работу к отцу. Но на этот раз он и не подумал войти в отцовский кабинет, а принялся расхаживать по длинному жёлтому коридору взад и вперёд, взад и вперёд...

«А вдруг придёт Аня Залетаева?» – думал он.

Но Аня Залетаева не приходила.

Тогда от нечего делать Боря принялся изучать объявления, которыми был обклеен коридор. Прочёл объявления о постройке кооперативных гаражей. О том, что институтскому детскому саду требуются нянечки и посудомойки. О том, что для желающих отдохнуть, в местном имеются путёвки в дом отдыха «Красная Пахра»...

Потом Боря принялся за изучение противопожарных плакатов. Рассмотрел красиво нарисованных красных петухов и испуганных детей со спичками в руках. Прочёл стихи:

Без мамы и папы ты спички не тронь!
Это вызовет в доме огонь!

И ещё другие:

Граждане, берегите ваших детей
От спичек и прочих опасных затей!

А Аня Залетаева не приходила.

Тогда Боря стал читать стенгазету «Пищевик», которую он изучил уже от корки до корки. В этой стенгазете была одна заметка, читать которую Боре не надоедало никогда. В ней директор института Мочалова Виктория Валентиновна очень расхваливала начальника

отдела Дубова Бориса Борисовича за важное изобретение в мясо-молочной промышленности.

Боря Дубов прочёл эту заметку пять раз подряд и оглянулся. Ему показалось, что по коридору идёт Аня Залетаева.

Но это была не Аня. Это была киоскёрша Клавдия Ивановна. Она несла под мышкой газеты.

– Здравствуй, Боренька, – сказала Клавдия Ивановна. – Ты что же это в коридоре стоишь?

И тогда Боря понял, что стоять и ждать в коридоре в самом деле глупо и бессмысленно. Можно хоть целый год простоять, а Аня не придёт. Ведь живёт она далеко, на другом конце города.

«Эх, знал бы я её адрес!» – подумал Боря.

«Ну, и что бы ты тогда сделал? – возразил он сам себе. – В гости, что ли, к ней заявился? „Здравствуйте, я ваша тётя!“ Да она бы тебя сразу за сумасшедшего приняла!»

«Ну почему обязательно в гости? Взял бы, например, и письмо ей написал...»

«Письмо?! Вот дурак! Кто же это незнакомому человеку письма пишет? Да и что бы ты там написал?»

«Что хотел бы с ней подружиться...»

«Подружиться! Да очень ты ей нужен! У неё и без тебя друзей полно!»

«А я бы всё равно написал!»

«Ну что ты заладил – „написал, написал“! Адрес-то у тебя есть?»

Боря вздохнул. Адреса у него не было.

«Таких тут нет»

Алик и Тося составили план. План был такой.

Зайти к Тосе, взять бинокль. А потом отправиться к дому, где жил опасный преступник, и ждать, когда он выйдет из подъезда. И пойти за ним. И рассмотреть, какого цвета у него глаза. И убедиться в том, что они серые. Серые, как сталь. Как осеннее небо. Серые. Холодные. И жестокие.

Они направлялись к громадному двенадцатизэтажному новому дому, где жила Тося. И чтобы скрыть волнение по поводу предстоящей опасной встречи, Тося всю дорогу рассказывала Алику Спичкину, как раньше она жила в двухэтажном деревянном доме, как его снесли и как им дали новую квартиру.

– Да, мы жили в одной комнатке, – говорила Тося. – И дом у нас был старенький. Вокруг росли деревья. А весной можно было прямо из окна дотянуться рукой до цветущей яблони. А комнатка у нас хоть и маленькая была, но зато в ней была печка. Знаешь, какая печка замечательная! Белая, кафельная! Её можно было гладить рукой. Мы с Нинкой Кошкиной всегда играли, как будто мы её топим. Мы зажигали бумажки и клали внутрь. Жалко, что в новом доме такой печки нет!..

Тосиной бабушки, к счастью, дома не оказалось, и старый полевой бинокль спокойно переключался с полки на антресолях в Аликин портфель.

– Ой, Алик, я так волнуюсь, ты не можешь себе представить! – сказала Тося.

Выпив на дорожку по чашке компота, они двинулись в путь.

Прошли мимо магазина с башнями из консервных банок в витрине. Мимо жёлтого детского сада. Мимо гаража снегоуборочных машин, где во дворе стояли эти самые машины, расставив, как раки, свои клешни. Прошли мимо рынка... И оказались возле большого серого дома.

– Тут, – сказал Алик.

Оглядываясь по сторонам, они вошли в подъезд. Поднялись в лифте на седьмой этаж и в сумраке лестничной клетки прочли на двери фамилию «ТАРАСОВ».

Потом они спустились вниз, во двор, вошли в беседку для малышей, пригнулись и стали ждать.

Алик вынул бинокль и повесил себе на шею.

Но преступник Мишкин не появлялся.

Они ждали уже целый час.

Преступника Мишкина не было.

– Алик, у меня спина устала, – сказала Тося. – Может, мы напрасно здесь сидим? Может, он в другой город уехал? Или, может, он дома, в тепле, а мы тут мёрзнем... Давай мы к нему в дверь позвоним! Ты не бойся. Если он открывать станет, мы убежим.

– Он нас догонит, – сказал Алик.

– Ну, тогда я одна пойду, – сказала Тося. – Мне надоело тут мёрзнуть.

Она поднялась на лифте, дрожа от волнения, нажала на кнопку звонка и приготовилась было бежать. Но когда за дверью послышались быстрые шаги, с Тосей произошло что-то странное: ноги её налились свинцовой тяжестью, и она не смогла заставить себя даже пошевелиться...

Дверь распахнулась.

Перед Тосей стоял «опасный преступник». Лицо у него было круглое, волосы светлые, на левой щеке родинка.

Он стоял в жёлтой рубашке и в старых джинсах.

– Кого тебе, девочка? – спросил «опасный преступник», весело глядя на Тосю.

Глаза у «опасного преступника» были синие-синие. За его спиной стояли на полках книги. Маленькая репродукция в рамке висела на стене. На ней был мужчина в старинной одежде, а рядом бутылочка с гвоздиками.

– Мне надо товарища Мишкина, – храбро сказала Тося.

– Таких тут нет, – улыбнулся «опасный преступник». – Очень сожалею.

И закрыл дверь.

Алик и Тося возвращались домой.

Алик был настроен мрачно.

– Ты наверняка не разглядела! – в который раз говорил Алик.

– Да разглядела я! – смеялась Тося. – Чудак! Неужели я не могу хорошего человека от преступника отличить?! Только ты не расстраивайся!.. Мы ещё сколько хочешь преступников найдём!

– «Найдём, найдём...» – ворчал Алик. – Где их теперь найдёшь? На всю Москву три преступника расклеены... Это тебе не Япония!

– Как семечек хочется! – сказала Тося. – Пойдём на рынок, семечек купим, а?

И они пошли на рынок. И походили там между рядами с картошкой и морковью. И смотрели, как тётки в ватниках вешают на весах солёные огурцы. И вдыхали этот замечательный острый запах солёных огурцов... А потом Тося купила полстакана жареных семечек, и они стали их грызть, и Алик понемногу снова пришёл в хорошее настроение.

Так дошли они до Тосиного подъезда.

Агафонов

Войдя в свою новую двухкомнатную квартиру на одиннадцатом этаже, Тося, не раздеваясь, подбежала к окну, чтобы посмотреть сверху на удаляющегося Алика.

Алик шёл по улице.

Он подходил уже к жёлтому детскому саду...

Тося взглянула и похолодела.

За ничего не подозревающим Аликом вразвалочку шагал гроза пятого «А», а также пятого «Б» и пятого «В», а также всех без исключения шестых и четвертых классов, не говоря уже о третьих и вторых, хулиган и двоечник Агафонов.

Эта коварная личность шла почти впритык к безмятежной спине Алика Спичкина. И ни у кого, кто обратил бы в эту минуту на него внимание, не возникло бы никакого сомнения, что Агафонов задумал что-то нехорошее.

Не думая ни секунды, Тося прямо в пальто и в шапке вскарабкалась на табуретку и что есть силы закричала в раскрытую форточку:

– Э-эй, А-а-лик! Берегись!

Но Тося опоздала.

В ту самую секунду, как она выкрикивала в форточку отчаянные слова, нога Агафопова стремительно вытянулась и пнула шествующего важной походкой Алика пониже спины. И конечно, ничего удивительного не было, что Алик Спичкин споткнулся и, как подкошенный, полетел на землю.

Видимо, чрезвычайно довольный таким оборотом дела, хулиган Агафонов, засунув оба пальца в рот, оглушительно свистнул и, повернувшись к поверженному Алику спиной, всё так же вразвалочку пошёл в обратном направлении. Он не оглянулся ни разу. Видимо, за свою спину он был совершенно спокоен.

И как ни странно, оказался прав.

Алик Спичкин поднялся с земли, отёр рукавом снег с лица. Потом обернулся в сторону Агафопова, погрозил ему вслед кулаком и, прихрамывая, пошёл восвояси...

Тося была вне себя от гнева и возмущения.

– Хулиган! Бандит! Бессовестный! – ругала она Агафонова, и ей до смерти было жалко бедного Алика. – У-у! – грозила она кулаком в форточку. – Гад ты! Гад! Я тебе покажу! Ты у меня получишь!..

А Агафонов медленно и с невозмутимым выражением лица шествовал по тротуару, лихо заломив свою кроличью облезлую шапку и подкидывая ногой попадавшие ему по пути твёрдые ледышки. Он не подозревал ни о каких Тосиных угрозах. А если бы и подозревал, то в ответ, без всякого сомнения, нагло рассмеялся бы Тосе прямо в лицо.

Но ты, дорогой читатель, ещё ничего не знаешь об Агафонове. Мы ещё не познакомили тебя с этим фруктом. Да, если бы ты хоть немножко знал, каков был Сергей Агафонов, самый отстающий ученик пятого «А», ты сразу понял бы, что страшные Тосины угрозы были напрасны, потому что никого в жизни так не боялась добродушная Тося, никого и никогда ещё так не опасалась, как этого самого Сергея Агафонова. А почему так было, мы и намерены тебе рассказать.

Мы прекрасно понимаем, что тебе, дорогой читатель, некогда. Что у тебя забот полон рот. Что ты мечтаешь в футбол сыграть. Или, скажем, собираешься с мамой в магазин «Культовые товары» за кнопками, а тут ещё мы со своим Агафоновым!

Поэтому не будем больше тянуть. И начнём наш рассказ о Сергее Агафонове как раз с того момента, как в класс пятый «А» 512-й средней школы пришла новенькая по имени Тося Одуванчикова. И не случайно мы начнём наш рассказ об Агафонове именно с этого момента. Скажем тебе по секрету, этот самый момент стал для Сергея Агафонова в некотором смысле историческим.

В то памятное утро Сергей Агафонов был, как всегда, безмятежен. На его лице с удовольствием размещалось то самое выражение полного безразличия ко всему, что делалось вокруг, которое сходило с него только во время крупных драк.

Когда в то утро, если ты помнишь, 5 «А» поднялся, приветствуя учительницу Нину Петровну, Сергей Агафонов не стал делать особых для этого усилий. Тем более, что выковыривать свои ноги из-под стоящего впереди стола было делом довольно длительным и хлопотливым.

Сошло. Нина Петровна не заметила. А может быть, и заметила, но ей так надоело делать замечания Агафонову, что она решила в то утро махнуть на него рукой.

Короче говоря, Сергей Агафонов не дал себе труда приподняться хотя бы на один сантиметр со стула.

В классе пригревало солнце, и было тепло и уютно. Вставшая рядом Ира Сыркина пихнула Агафонова в бок, но это подействовало на него так же слабо, как укус комара на медведя.

В этом месте, дорогой читатель, ты, чего доброго, подумаешь, что самый отстающий ученик пятого «А» был похож на медведя? Нет-нет! Скорее он был похож на небольшого тощего зайца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.